

ТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕКА В ПОЗНАВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Татьяна Ивановна БИЛЕНКО,

профессор кафедры философии

им.В.Г.Скотного Дрогобычского

государственного педагогического университета

имени Ивана Франко, Дрогобыч, Украина

Açar sözlər: yaradıcılıq, idrak, həyat fəaliyyəti, şifahi ehtiyatlar, rəşional, irrasional.

Keywords: creativity, knowledge, livelihoods, verbal resources, rational, irrational.

Ключевые слова: творчество, познание, жизнедеятельность, вербальные ресурсы, рациональное, иррациональное.

Жизнедеятельность общества неотделима от познания объективного мира и субъективной реальности, осмысление которых выводит человечество на виртуальные бытийственные формы. Процесс познания не исчерпывается теми богатствами, которые общество открыло в объективном и субъективном мире, присвоив их безвозмездно и неблагодарно, без должного почтения. Объективно существуют возможности приобщения к ним всех людей, но обстоятельства как объективного, так и субъективного плана исключают это, посему знания, человечеством обретенные, дозированы индивиду в его онтогенезе. Невозможно тотальное овладение всеми людьми накопленных человечеством неисчислимых интеллектуальных сокровищ (которые во многом обрели предметно-вещное, материализованное бытие), но *целокупно* всё это предстаёт всеобщим достоянием – *уже* познанным или *ещё* не открытым. К тому, что уже познано, *каждый член* человеческого сообщества теоретически может приобщиться, для себя извлекая часть всеобщего достояния, но *не отнимая его* у других. Это неоценимое благо для всех: сколько ни бери, сокровищница не оскудевает. Только не вреди, не уничтожай! Добавляй собственный вклад, обретенный то ли упорным трудом, то ли озарением, но *всегда честно*.

Частично присваивая познанное (обретенное) обществом достояние, человек *открывает* его для себя, осуществляя сложный процесс познания как бы

второго порядка: он овладевает тем знанием, которое добыто другими для общего блага (пользования), его не надо открывать, оно уже *взято у природы* и задача состоит именно в том, чтобы им овладеть. Как? Гносеология предлагает варианты: добытое у природы знание упаковано в тексты, оформленные в теоретические трактаты, опусы, диалоги, предстающие в сложных дискурсах.

Что из этого доступно рядовому (обыкновенному) члену общества? Сложный вопрос, поскольку нелепо представление о некоем усреднённом современнике с набором узнаваемых черт для классификации по социальным параметрам. Эти черты, конечно, есть, но их сочетание-наличие неоднозначно, посему не может быть опознавательной характеристикой субъекта социального процесса. Личность, обладая некими общими характеристиками, всегда остаётся существом уникально неповторимым, его нельзя втиснуть в рамки-шаблоны манкурта, хотя такое стремление нередко возникает в тоталитарном обществе, которое не согласится с его оценкой *тоталитарного*.

Граждане суверенных государств, прежде бывших в составе Советского Союза (в том числе – Украины), в советское время приобщались к философии по-разному, что всегда зависит от многих причин, прежде всего – от хронотопа, т.е. от времени и места получения этих знаний. Это могли быть уроки по предмету “Я и мир” в средней школе, лекции в вузе или занятия по овладению философским наследием в разнообразных вечерних курсах политграмоты. В советское время эти курсы были во всех городах и селах, посещать их должны были прежде всего активисты, дабы осилить теорию, которая, по Марксу, становится материальной силой, когда она овладевает массами или ею овладевают массы.

Вспоминается давний анекдот – беседа двух слушателей таких курсов о занятии, на котором один из них отсутствовал. Там рассматривали возникновение философии марксизма. Преподаватель объяснял, что марксизм как учение пролетариата воплотил все лучшие достижения науки того времени и развил их. Вероятно, изложение материала соответствовало тем установкам, которые были зафиксированы в четвертой главе “Краткого курса истории ВКП(б)”, второй параграф которой, написанный И.Сталиным, имеет название “О диалектическом и историческом материализме”. Там последовательно проводится мысль о преемственности пролетарского учения, которое поможет трудящимся построить новый мир, а там – “кто был ничем, тот станет всем”.

Эти идеи надо было “вливать” в головы простых людей, которые зачастую имели всего лишь начальное образование. Сталин писал: “*Маркс и Энгельс*

взяли из диалектики Гегеля лишь ее "рациональное зерно", отбросив гегелевскую идеалистическую шелуху и развив диалектику дальше с тем, чтобы придать ей современный научный вид... Маркс и Энгельс взяли из материализма Фейербаха его "основное зерно", развив его дальше в научно-философскую теорию материализма и отбросив прочь его идеалистические и религиозно-этические наслоения"[1, гл. IV, §2].

Что такое *основное зерно* и в чем его отличие от *рационального* – ну как же это осилить голове, едва овладевшей начальной грамотой?!. Но поскольку *repetiticia est mater omnium studiorum*, есть надежда, что постоянное и неукоснительное повторение тех самых слов и тезисов закрепится в голове даже без понимания, которое вообще сбрасывается со счетов. Идеалом, по сути, было начётничество, задача была рапортовать по всем инстанциям, что *массы овладевают* марксистской теорией, успешно *проходят* труды классиков, вооружаясь передовыми идеями для построения светлого будущего.

Весь мир насилия успешно разрушается, остановка за малым... Вполне органично в этот контекст укладывается упомянутый анекдот. Рассказчик сообщает, что Маркс и его друг *похитили* у кого-то материю и зерно, и что теперь будет? "Не знаю, как там с материей, а за зерно – точно посадят"... Для этого слушателя курсов "материя" была весьма осязаема в виде ситца, сукна или драпа, но никак не в виде *философской категории для обозначения объективной реальности*, которая даётся человеку в ощущениях его...

Сейчас мало кто помнит "закон о трех колосках", по которому "расхитителя социалистической собственности" могли лишить жизни за то, что на колхозном поле он подобрал (или срезал) для себя "богатство" в три колоска. Закона с таким названием нет, это фольклорная номинация, но 7 августа 1932 года появился документ, предусматривающий такую экзекуцию: Совет народных комиссаров совместно с ЦИК СССР принял постановление, ужесточающее ответственность за хищение социалистической собственности.

Массированное "внедрение" учения марксизма в головы широких слоев общества (пишу "головы", стараясь избежать слова "сознания", поскольку практика распространения пролетарского учения рассчитана была не на осознание, а на зомбирование, начётничество) преисполнено догматизма, который уничтожал то положительное, что было в этой теории. Упомянутый в анекдоте разговор мог состояться значительно позже 1932 года, поскольку это отклик на изучение в сети политпросвета работы И.Сталина "О диалекти-

ческом и историческом материализме”, появившейся в тексте “Краткого курса истории ВКП(б)” в 1938 году.

Тем ярче он свидетельствует о сохранившихся в памяти “трехколосковых” репрессиях: за зерно – посадят... Для такого человека теория марксизма – как и любая иная – была весьма сложным явлением, *материя как философская категория* им не воспринималась по причине отсутствия надлежащих знаний. Когда он слышал это слово, то в его сознании возникали ситец либо сукно, либо, по словам поэта, *маркизет-мадеполам* (сугубо заоблачные “барские” вещи), и судебные процессы над расхитителями этих “богатств” отсутствовали в его жизни. Посему он знал: неведомо, что там с материей, а за зерно – суд и тюрьма.

В начале вузовского курса философии обязательно рассматриваются ключевые понятия – материализм (наивный, метафизический, диалектический), идеализм (объективный, субъективный), дуализм. По традиции, субъективный идеализм иллюстрируется на примере наследия Джорджа Беркли, тезис которого “существовать – значит быть воспринимаемым” (или иная редакция: быть в восприятии) используется как доказательство несостоятельности его философии. И предстает он в наших дискурсах – в лучшем случае – наивным чудачком, не овладевшим азами высокой науки, а в худшем – зловредным недоумком, врагом прогресса, чуть ли не мальчиком для битья.

Побить его (или бить, – т.е. употребляя глагол несовершенного вида, означающий длящийся, незавершенный процесс) может каждый, мало-мальски владеющий информацией о философии и философах, кои сосредоточены в разных лагерях, сильно или слегка враждующих. Мирно жить им не к лицу, покой им только снится, посему то там, то сям возникают очаги напряженности, являющие собой множественную вариативность ранее сказанного (опять же: догматизм и начётничество). А если прислушаться к тому, *что и как* объясняет Беркли, отбросить тупое упрямство и *захотеть услышать* английского философа?

Ведь до той поры, покуда предметы объективного мира не вовлечены в круг бытия субъекта, они – реально существуя физически – им не воспринимаются, то есть *в его бытии* отсутствуют, *не существуют*. В познавательном процессе все зависит от активности субъекта, которая проявляется в его творчестве, в его умении воспринять элементы реальности, одновременно *создавая* в сознании идеальные копии познаваемых вещей, то есть удваивая мир. В этом удвоении ведущая роль принадлежит творчеству как живой интенции, реализующей себя в развитии сущностных сил человека.

Здесь кстати упомянуть об аутопоэзе, теорию которого разработали Умберто Матурана и Франсиско Варела, объясняя свойства целостности живых организмов в физическом пространстве в отличие от автономности как общего феномена, присущего также другим областям взаимодействий.

Советские средства массовой информации изображали жизнь рабочих за железным занавесом беспросветной и бесперспективной, обречённой на нищету и несправедливость, да ещё приправленную лицемерной игрой *богачей* в демократию. Популярная карикатура изображала изнурённого рабочего в сильно поношенном костюме и толстого (“разъевшегося”) капиталиста, который заигрывает с рабочим: “У нас с тобой 50 костюмов на двоих. У тебя один, остальные у меня, но ведь на двоих – 50”. Есть принципиальная разница между *приобретением* какой-то вещи и *обретением* знания в процессе познания.

Необходимо различать познание в когнитивном процессе, т.е. некое *открытие* ранее никому неизвестного, и *приобщение* человека к знанию в процессе обучения. Конечно, для последнего это большое достижение, но только для него, поскольку общество ничего не выигрывает от приобщения отдельного человека к совокупному неисчерпаемому достоянию, обрётённому человечеством в познавательном процессе. Но обрётённое упомянутым человеком знание может быть им преобразовано в его творчестве в огромное благо для всех, так как он использовал полученное от общества (не открытое им лично) для преобразования-открытия, *созданного* им.

Привожу в пересказе отрывок из публикации Maturana & Varela, 1980 [3, p. 7]. Матурана столкнулся в начале своей экспериментаторской деятельности в областях нейрофизиологии и восприятия с проблемой определения феномена познания. Поэтому теория, созданная им впоследствии совместно с Варелой, первоначально была нацелена на вопросы, возникшие при изучении познания и восприятия. “Но сфера применения теории не ограничивается когнитивными вопросами, затрагивая также вопросы эпистемологии, коммуникации и теории социальных систем. Эти дополнительные вопросы обычно рассматривались философией, лингвистикой и социологией”. Уместна ли в таком случае точка зрения биологии? В том и дело, что Матурана признаёт познание “биологическим феноменом”, оно может быть понято только таким образом; “любые эпистемологические интуиции в области знания требуют данного понимания”.

Как биологический феномен познание рассматривается неотъемлемо от организма, поведение которого и реализует данный феномен. В аутопоэтической теории познание является следствием кругообразности и сложности формы

любой системы, чьё поведение включает в себя поддержку той же самой формы. Это приводит к смещению фокуса от различения активных агентов и копируемых действий (точка зрения когнитивной науки) с помощью которых осуществляются данные процессы (познание) к различению таких свойств формы организма, которые определяют его соответствие своей среде.

Важно обратить внимание на многослойность понятия *познание*. Прежде всего, надо различать *процесс* и его *плоды*. Познание – это вся совокупность знания, полученного человечеством в историческом генезисе как результат коллективного (и скрупулезного, хотя и не всегда бережного) накопления открытого в природе и обществе достояния человечества. Каждый индивид приобщается к этому богатству по-разному, что зависит как от хронотопа, так и от сложности конкретной социальной системы. В какой мере *известное* всему человечеству (то есть обретенное им) *доступно* каждому индивиду? Возможно ли здесь равенство? Нет, ни равенства, ни уравниловки не может быть. Открывая что-то новое в окружающем мире (близком или далеком материальном пространстве) либо обретая в озарении какие-либо явления духовности, человечество обогащается, получая возможность участием своим приобщаться к творению (т.е. к *процессу созидания*) разумом и руками. Познание нового – это не копирование-воспроизведение в сознании человека объектов реального физического мира, это *многократное удвоение его в сознании и вне его*.

Философия конкретизирует человека как точку пересечения различных проекций бытия, которое вбирает в себя совокупно природные, социальные и культурные характеристики; по словам М. Шелера, здесь человек предстает одновременно как *микрокосм*, *микротеос* и *микросоциум*. Стало быть, в единичном субъекте воплощаются социально обусловленные, но избирательно представленные черты хронотопа, что объективно предполагает его (субъекта) уникальность. Социально-культурная тотальность репрессивна по отношению к отдельному субъекту, но его относительная автономность манифестируется благодаря творческому началу человека.

Именно ему принадлежит определяющая роль в созидании новой явленности человеческого существа, воплощающего черты хронотопа как единичного комплекса личностных характеристик. Хронотоп не существует вне человека, вне человеческого общества, для его осознания необходим язык и вербальный мир, им создаваемый. Процесс познания охватывает и языковое богатство, которое создается по требованию общественной практики и совершенствуется в процессе творческой деятельности каждого члена общества.

Когда субъект знакомится со словом и вникает в его содержание, это знакомство не предусматривает исчерпывающего знания слова, ибо слово многозначно, что выявляется в его сочетаемости с *различными другими* словами.

Употребляя конкретное слово, субъект актуализирует только один вариант его (слова) возможной явленности, часто придавая ему новые аспекты, при этом проявляя творчество двух уровней. Во-первых, *принимая* известное обществу (ибо им выработанное) значение слова, субъект не “заглатывает” его, а напряжённо *творит* его для себя, *иным способом* его усвоение невозможно. Конечно, можно механически запомнить массу слов, *не понимая их*, и даже изрекать их “с учёным видом знатока”, но ведь мы ведём речь о познании, а упомянутый здесь случай к познанию никакого отношения не имеет. Во-вторых, употребляя слово *в общении* (не суть важно, устном или письменном), изыскивая варианты его сочетаемости с другими словами, субъект придаёт произносимому (или написанному) свою собственную окраску, то ли интонируя его, то ли изменяя порядок слов, то ли обращаясь к метафорам или риторическим фигурам. Здесь творческие возможности практически неисчерпаемы.

Множественные процессы взаимодействия общества и природы характеризуют его жизнедеятельность; среди них исключительная роль принадлежит непрерывному продвижению сознания в тайны реального мира, результатом чего предстаёт более или менее адекватное его знание. Каким бы малым ни был фрагмент изображённого в сознании человека реального (или иллюзорного) мира, он неизбежно фиксируется как успех сообщества, ибо принадлежит не отдельному человеку, а всем, так как общественная целостность лелеет и воспитывает своих членов прежде всего своей бытийностью, в которой непрерывно возрастает культура как сугубо человеческое обретение.

В зависимости от цивилизационного уровня в обществе возникают специальные формы и методы опеки-обучения молодой поросли, её формирования и вышкола для продолжения жизни, сохранения и приумножения материального и духовного накопления предыдущих поколений. Практический и духовный опыт фиксируется во второй сигнальной системе – слове, в языке, предстающем новой – вербальной – реальностью, удваивая мир.

В диалоге важная роль принадлежит интенционности, ведь сознание неотделимо от процесса, в котором реализуется (осуществляется) его сущность, т.е. – *что-то осознаётся*; сознание вступает в виртуальный контакт с иными сущностями – объектами, фактами, явлениями, феноменами, расположенными извне. Результат этого дискретно-текучего процесса невозможно предвидеть,

ведь в него включен мощный разновекторный вербальный потенциал. Не *вообще* вербальный, а потенциал конкретного слова, которое может по-разному выявлять собственную вместимость, поскольку обычно слово *поливалентно*.

Человеческая способность вербализовать процесс познания актуализирует различные свойства слова, вовлечённого в описание; это описание может быть терминологически корректным и/или расплывчато приблизительным. Если то, что обозначено как иррациональное, подлежит тщательной вербализации (т.е. “облачается” в слова, которые – хотя не исчерпывают полностью это содержание – помогают его осознать), то здесь мы имеем свидетельство *преодоления* иррационального, превращение (трансформацию) его в рациональное, т.е. *подчинённое разумом, сознанием*.

Но то, что без понятийно-логических процедур *постигается интуицией* и не поддаётся терминологическому описанию, квалифицируется как иррациональное, т.е. принимается как таковое. Мешает ли это процессу познания? Разве не стремится общество зафиксировать всё в окружающем мире знаками, словами, понятиями, как бы пропущенными через эмоции и психику? Конечно, да! Но иррациональное, не обретшее материальной формы бытийности, уже имеет знак: оно обозначено как виртуальная реальность.

Не будет излишним напомнить, какую важную роль имеет в процессе познания герменевтический круг как методологический фактор, требующий взаимной обусловленности понимания *целого и его элементов*. Целое состоит из частей, совокупность которых даёт возможность постичь его (целое)), но чтобы понимать отдельные части, необходимо знать, что такое *целое*. Заметим, что изложить гуманистические идеи можно почти теми же словами, что и противоположные им – антигуманные; важно ведь не только то, что это за слова, но как они упорядочены, как согласованы, т.е. как поданы.

Вспомним тезис Куайна о появлении слова, о факте фиксации его содержания в конкретный момент ментальной деятельности субъектов коллективного взаимодействия. Именно коллективного, а не уникального субъективно-индивидуального, ибо то, что истекает из души индивида, лишь частично является продуктом этой души, поскольку сущность процесса его формирования (становления) обусловлена совокупной общественной практикой. “О мыслительных процессах мало что можно сказать, если не закрепить их словами, ибо то объективное, что мы можем получить, появляется только после слов. Слова сопровождают мысли о чем угодно, и лишь в той мере, в которой мысль выражена в слове, мы можем четко осознать ее.

Если теперь обратить наше внимание на слова, то вопрос о принятии объектов становится вопросом о вербальном указании (*reference*) на объекты. Вопрос о том, в чем состоит *принятие* объектов, есть вопрос о том, в чем состоит *указание* на объекты.

Мы указываем на объекты, используя слова, которые усваиваем посредством более или менее далеких ассоциаций с возбуждениями наших органов чувств” [2, с. 334]. Такие ассоциации отыскивают в кладези памяти необходимые связующие элементы для дальнейшего творческого процесса жизнедеятельности.

Итак, цивилизованное общество предоставляет своим членам неисчерпаемое богатство языка – слов, созданных длительной совокупной практикой многих поколений. *Объективно* каждый может ими пользоваться. Так в чём же творческий потенциал? Возможно, это всего лишь механическое потребление общественного достояния? Конечно, нет. Даже самое простое овладение словом, как уже отмечалось, не есть “заглатывание” элемента материальной реальности, это активная работа сознания, что невозможно без творческих усилий. Но это лишь начало познавательного процесса: слово знаменует иную реальность, которую можно постичь только механизмом *творчества*, потенциал которого – пока человек живёт – практически неисчерпаем.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий Курс / под редакцией комиссии ЦК ВКП(б), одобрено ЦК ВКП(б) в 1938 году Госполитиздат, 1945.
2. Куайн У В О. Вещи и их место в теориях / Пер. А. Л. Никифорова // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). М., 1998. – с. 322-342. Архивировано из первоисточника 01-04-2012.
3. Матурана Умберто, Варела Франциско. Древо познания. Перевод с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

XÜLASƏ

Cəmiyyətin həyat fəaliyyətinin vacib əsas tərkib hissəsi kimi idrak prosesi yalnız homo sapiens-in yaradıcılıq potensialının sayəsində mümkündür. Yaradıcılıq potensialı – bu intellektlə, əxlaqlı əsaslarla və iradə ilə birləşmədə ifadə olunan insanın fizioloji-psixi komponentlər məcmusudur. Bu potensial xeyirin yaradılmasına yönəldilmiş intellektual və fiziki səylərin səmərəli təşkilı zamanı tükənməz. İdrak prosesində hər şey subyektin fəallığından asılıdır və onun yaradıcılığında, onun reallığın elementlərini qəbul etmək bacarığında, eyni zamanda şüurda dərk edilən şeylərin mükəmməl surətlərini yaradaraq, onun təxəyyülündə görünür. Burada aparıcı rol insanın əsas qüvvələrinin inkişafında özünü reallaşdıran canlı meyllər kimi ifadə olunan yaradıcılığa aiddir.

RESUME

The process of cognition as a bound, fundamental constituent of the society vital activity is possible only due to the creative potential of homo sapiens. Creative potential is a complex of physiologic and psychic components of the man connected with his intellect, moral foundation, and will. This potential does not become exhausted under conditions of sensible organization of intellectual and physical efforts directed to create goodness.

Çapa tövsiyə etdi: f.e.d. K.Y.Abbasova